НАША ГАЗЕТА
nashagazeta.ch

Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Леонар Джанадда: Человек-оркестр | Léonard Gianadda: l'homme-orchestre

Author: Ольга Юркина, Мартиньи , 09.12.2009.

В своем родном инженерном бюро, с черновиками каталога к предстоящей выставке в Москве [НГ]

Леонар Джанадда – о своем путешествии в Москву в 1957 году, о пропаганде и дружбе народов, о фотографиях, шпионах, выставках и других серьезных и забавных вещах.

|

Léonard Gianadda nous parle de son voyage à Moscou en 1957, de propagande et d'amitié des peuples, de photographie, d'espions, d'expositions et de beaucoup d'autres choses sérieuses ou moins sérieuses.

Léonard Gianadda: l'homme-orchestre

Учитель Леонара Джанадда в коллеже при Аббатстве Сан-Морис однажды написал его родителям, что их сын «может и должен сделать из своей жизни что-то великое и красивое». Леонар Джанадда последовал совету. Фотограф, репортер, инженер, меценат - он интересуется многим, и проявляет талант во всем, чем бы ни занимался. Узнав, что еще в юности, в качестве репортера, Леонар Джанадда побывал в Москве, «Наша Газета» заинтересовалась, не в этом ли объяснение столь тесных культурных связей с Россией Джанадда-мецената и Президента музея-фонда в Мартиньи.

Москва, Красная площадь, 1957г.
Все фотографии - © Fondation Pierre Gianadda
Наша Газета: Выставка Ваших фотографий в Пале Люмьер и Фонде Pierre Gianadda приоткрыла завесу над первым знакомством с Москвой. А теперь русские иконы из коллекции Третьяковской Галереи в Мартиньи подтверждают, что эти культурные связи остаются тесными. С чего же начинается история любви к России?

Леонар Джанадда: Наверное с того же, с чего начинает свое предисловие к каталогу «Леонар Джанадда. Москва 1957» Жан-Анри Папийу. Он рассказывает небольшой и трогательный эпизод: 17 июня 2005 года, на вернисаже первой выставки, организованной совместно с Пушкинским Музеем, Алексей Петухов, научный сотрудник Музея, подарил мне значок Всемирного фестиваля молодежи и студентов, проходившего в 1957 году в Москве. Этот значок Алексей получил от своего отца. У меня комок подступил к горлу, потому что именно с этого фестиваля, на который я отправился как репортер швейцарской газеты, началось мое знакомство с Москвой и русскими. А когда Ирина Антонова, директор Пушкинского Музея, добавила, что и она тоже принимала участие в фестивале, а значит, мы могли тогда встретиться в Москве, всех просто захлестнули эмоции. Мне очень понравилось это вступление к рассказу о моем путешествии в Россию, оно очень хорошо иллюстрирует связь, зародившуюся 50 лет назад и теперь укрепленную.

НГ: Ведь с момента основания Фонда здесь устраивается множество выставок, посвященных русским художникам и русскому искусству: по Вашей инициативе и благодаря Вашей дружбе с московскими музеями...

Леонар Джанадда: Самая первая «русская выставка» в Фонде – «Шагалл в России», в 1991 году. Мы начали налаживать связи с советскими музеями в 1989 году, в эпоху падения Берлинской стены, когда обстановка в мире кардинально изменилась. В культурном плане это открывало до сей поры неведомые возможности сотрудничества, множество великих произведений, незнакомых публике, выходили на свет из тени и из архивов, где их прятали во времена Холодной войны. Например, знаменитые работы Марка Шагала для Еврейского театра Москвы, реставрацию которых я согласился финансировать и которые впервые предстали перед глазами

широкой публики у нас, в Мартиньи. Сенсационный успех выставки открыл мне двери в совершенно новый мир и позволил завязать отношения с важными деятелями культуры в России. Результат – множество выставок, о которых я даже и не мог мечтать!

НГ: «Шагал» ведь вернулся в Мартиньи в 2007 году, благодаря Третьяковской Галерее. А в 2004-м, с помощью Фонда, Третьяковская Галерея организовала выставку «Роден, Голубкина, Клодель». И с Пушкинским музеем у Вас сложились прекрасные отношения, в этом году уже во второй раз они одолжили Вам коллекцию французской живописи, а 26 января в Пушкинском музее открывается выставка тех самых фотографий Москвы, которые сделал репортер Леонар Джанадда в 1957 году.

На Всемирном фестивале молодежи и студентов
©Fondation Pierre Gianadda

Леонар Джанадда: Если честно, такого я даже представить себе не мог: мои фотографии – в Пушкинском Музее! Это же такая честь! Но Ирина Антонова, когда увидела эти фотографии, была счастлива, и убедила меня в их исторической ценности и необходимости устроить выставку. Она сказала, что это уникальная коллекция, редкие снимки повседневной жизни Москвы 1950-х, да еще и через призму фотообъектива иностранного корреспондента. Это же неслыханно! Редким проникшим за железный занавес иностранцам не давали ни шагу в сторону ступить. И что Вы думаете? Нам, гостям Всемирного фестиваля молодежи и студентов в 1957 году, было позволено абсолютно все! Мы могли делать все, что угодно, ходить всюду, где хотели. И мне невероятно повезло, потому что я смог сделать фотографии, которые хотел сделать. Я был совершенно свободен в моих решениях и перемещениях.

НГ: Действительно, несказанно повезло. А объяснение какое-нибудь этому есть?

Леонар Джанадда: Я предполагаю, что этот фестиваль был задуман открытым навстречу миру и Западу. Это было намеренное желание советского правительства - не накалять обстановку, а разрядить ее. С одной стороны, происходило это все в эпоху так называемой «оттепели», с другой – имидж СССР на Западе пострадал из-за всем известных событий в Венгрии и Суэцкого кризиса. Так что Фестиваль, открытый для молодежи всего мира – приехало более 34 000 гостей из разных стран, – был прекрасной возможностью представить Советский Союз с другой, праздничной, стороны. Я думаю, правительство дало строгую директиву: ни в коем случае не ограничивать свободу приехавших иностранцев и их права. Знаете, у нас даже паспорта кое-как проконтролировали, почти не смотрели. И предоставили полную свободу.

НГ: Ко времени поездки в Москву Вы - корреспондент с богатым опытом. Насколько я знаю, швейцарские журналы Illustré и Images du Monde направили Вас на Фестиваль по Вашей собственной просьбе. Спонтанное желание или были какие-то особые причины?

Во время поездки в Ленинград, 1957г.
©Fondation Pierre Gianadda

Леонар Джанадда: Любопытство. Желание посмотреть своими глазами на то, что там скрывается, за «железным занавесом». На самом деле, это был шок для обеих сторон. Русские, например, трогали нас, чтобы убедиться, что мы такие же люди, как они, а не приведения. И мы на них смотрели широко открытыми глазами сначала: все было в диковинку.

НГ: И какое самое сильное впечатление от страны по ту сторону занавеса?

Леонар Джанадда: Грандиозное открытие: русские – такие же, как мы. Симпатичные, милые люди. Доброжелательные и приветливые. Знаете, меня это поразило. Я думаю, всех это тогда поразило. И я понял, что нам тут морочат голову о страшной пропаганде в Советском Союзе, и мы даже не замечаем, что не менее страшная пропаганда нависла в это самое время над нами. В каких только мрачных красках нам тут не расписывали Советский Союз! А людей в Советском Союзе в это время пугали западными врагами. И когда мы встретились, мы вдруг поняли, что все это не так, что все это - жестокий обман. Что мы все - люди. Нужно было встретиться, переступить границу, чтобы это понять.

НГ: Жан-Анри Папийу, куратор выставки, представляя Ваши фотографии 1957 года, говорит о двух совершенно разных универсумах, противоречащих друг другу, – триумфальные празднества по случаю Фестиваля, как грандиозный парад на стадионе имени Ленина или танцы по всей Москве, и, на другом полюсе, - повседневная жизнь населения. Вы чувствовали то же самое?

Москва 1957 года
©Fondation Pierre Gianadda

Леонар Джанадда: Да, он очень правильно заметил. Конечно, была существенная разница между праздником и буднями. И меня интересовала эта скрытая сторона, как она меня всегда интересовала, во всех странах, где бы я ни бывал. То, что меня тогда поразило в жизни Москвы, так это отсутствие баров и кафе, дисциплина граждан, и женщины, выполняющие мужскую работу: строящие железные дороги, трудящиеся на заводах, регулирующие уличное движение. Мне запомнился один разговор, со студенткой физико-технического факультета Университета Ломоносова. На мой вопрос, чем она желает заняться в будущем, девушка, почти не раздумывая, ответила: «Я мечтала бы водить автобус!».

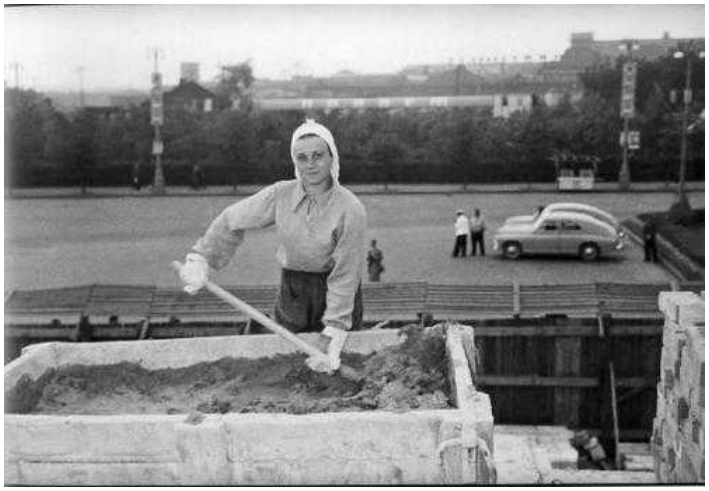
НГ: Да, кстати, а на каком языке Вы общались? Вы ведь почти не говорите по-русски?

Потенциальная шпионка
©Fondation Pierre Gianadda

Леонар Джанадда: Нет, не говорю. Но как-то само собой все складывалось. И, конечно, студенты факультетов иностранных языков с удовольствием выступали в роли переводчиков. Возвращаюсь к нашему разговору о пропаганде. Представляете, когда мы вернулись сюда, в Швейцарию, нас же считали изменниками и врагами народа. А когда мы начинали рассказывать, как радушно нас приняли в Москве, все в один голос кричали, что это невозможно, что нас одурманили и завербовали. Что на самом деле за нами тщательно следили, просто мы не заметили - настолько развит шпионаж в СССР! Якобы, студенты-переводчики на самом деле были приставленными к нам агентами. Представляете, какая чушь? Среди переводчиков была одна

девушка, очаровательная блондинка, в каталоге есть ее фотография, вот, посмотрите на нее. Опаснейшая шпионка-разведчица, это же очевидно с первого взгляда, не правда ли? Понимаете теперь, до какого маразма доходило?

НГ: Да, ничего не скажешь. А как в Москве люди реагировали на то, что их фотографирует иностранный корреспондент? Например, солдаты и милиция на Красной площади были не против снимков? Потому что сейчас они не очень любят фотографироваться...



"Меня поразили женщины, выполняющие мужскую работу"
©Fondation Pierre Gianadda

Леонар Джанадда: Да нет, совершенно спокойно все реагировали. Я думаю, им действительно поступило указание свыше нас не трогать. С нами были очень любезны все. И люди на улицах тоже. Мы возбуждали скорее интерес, чем подозрения или ненависть. А я в моей американской футболке «Пенсильвания» вообще пользовался успехом. Произошло множество комичных эпизодов. Вот например, один раз я вышел на балкон гостиницы «Москва», а внизу стояли люди и вдруг начали мне аплодировать. Ни с того, ни с сего. Наверное, футболка и джинсы понравились, или спутали меня с кем-нибудь, но чем-то я привлек их внимание.

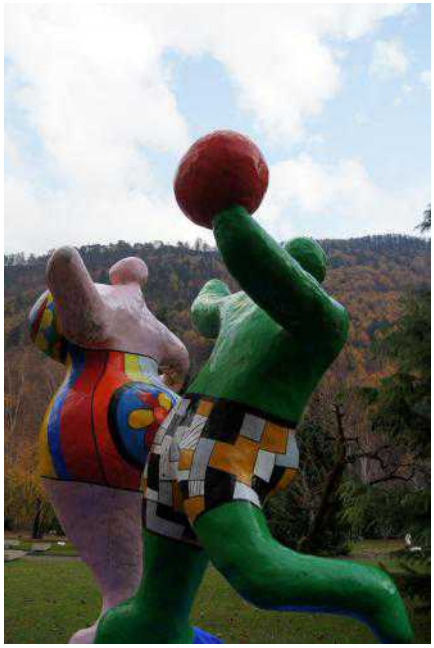
НГ: А когда же состоялось второе свидание с Москвой?

Леонар Джанадда: В 1991 году российское правительство пригласило меня на празднование 500-летия Грановитой Палаты Кремля, я был одним из почетных гостей. И когда нас повели в Кремль, то разрешили ходить буквально повсюду. Мы могли открывать все двери, заглядывать во все помещения. Караул смотрел на нас, не скрывая удивления. Просто мир наизнанку, даже представить невозможно! То есть я опять пользовался полной свободой... Мне в этом смысле вообще повезло в России.

НГ: Придется задать болезненный вопрос. Правда, что именно после возвращения из Москвы Вы перестали работать корреспондентом и причиной была скандальная фотография с Яношем Кадаром?

Леонар Джанадда: Когда мы вернулись, нас уже обвинили в предательских связях с коммунистическим режимом, а толпа на вокзале в Цюрихе забросала наш поезд камнями. Фотография Кадара со швейцарским значком на отвороте куртки, которую я сделал во время праздника в Москве, конечно, послужила взрывной смесью. Ну дал кто-то Кадару значок, венгерская делегация стояла совсем рядом с нашей... Когда фотография появилась в печати – мы еще были в Москве – сразу разгорелся скандал.

Самое обидное, что под давлением швейцарской немецкоязычной прессы романдские журналы, в том числе Illustré, который меня направил на фестиваль специальным корреспондентом, отреклись от всех своих слов и заявили, что никакого корреспондента не посылали на вышеуказанный фестиваль. У меня до сих пор сохранились два текста: мое удостоверение фотокорреспондента, выданное Illustré, и это их заявление, подлая ложь! А из-за этой истории у меня потом действительно были профессиональные проблемы. Но это далеко не единственная причина, почему я забросил фотографию. Было много других причин.



Коллекция скульптур в саду Фонда,
еще одно увлечение Леонара Джанадда
Фото Raphael Staehli

НГ: В 1960 году Вы открываете в Мартиньи инженерное бюро, где работаете до сих пор, последние тридцать лет совмещая работу инженера с деятельностью Президента Фонда. Столь разносторонние интересы для Вас, кажется, совершенно естественны. Вот, например, выставки в Мартиньи Вы устраивали еще в юности, с друзьями. Правда, не в таком масштабе.

Леонар Джанадда: На самом деле, Фонд – в каком-то смысле завершение, кульминация моей деятельности. В нем – все, что я пережил, испытал, чем интересовался, что любил и люблю.

НГ: И какое место занимает во всем этом фотография?

Леонар Джанадда: В 1953 году я отправился в путешествие по Соединенным Штатам и привез оттуда любительские фотографии. Вернувшись, начал писать статьи об этом четырехмесячном путешествии, тогда необычном, в местные газеты. И проиллюстрировал их собственными фотографиями... Работу репортера совмещал с учебой в Федеральной политехнической школе Лозанны. После моей поездки в Москву я практически прекратил работать фотокорреспондентом. Как я уже говорил, по многим причинам. А в 1961 году окончательно забросил фотографию.

В эти слова трудно поверить: неужели навсегда? И неужели фотография не занимает никакого особого места? Когда смотришь на поэтичные и красноречивые снимки, сделанные репортером Джанадда, невозможно не оценить в них взгляда

проницательного художника и лаконичности талантливого репортера. Когда смотришь на фотографии улыбающегося Джанадда в окружении московских студентов, кажется, что его общительность и дружелюбность помогали ему найти друзей всюду, куда бы он ни отправлялся. И если знать, что благодаря фотографии Леонар Джанадда встретил Анетт Пави, ставшую его женой, то можно ли сомневаться, что фотография сыграла свою великую роль в жизни этого удивительного человека, про которого так и хочется сказать: человек-оркестр.

Выставка фотографий Леонара Джанадда "Москва 1957" открывается в Пушкинском музее 26 января 2010 года.

Россия
Статьи по теме
История жизни, любви и творчества
Русские иконы в Мартиньи

Source URL:
https://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/leonar-dzhanadda-chelovek-orkestr